

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Филологический факультет
Кафедра литературы

ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОЗЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.
Дипломная работа

Допустить к защите

Зав. кафедрой литературы

_____ Н.А.Гузь

Выполнила студент

Р-ЗФО-081 группы

Медведева Ю.И.

Подпись _____

Научный руководитель:

К.филол.н., доцент

Кафедры литературы

Ковалева Марина Александровна

Подпись _____

(подпись)

Оценка

_____ г.
«____» _____ 20 ____ г.

Подпись _____

(Председатель ГАК)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. Тема детства в произведениях русских писателей второй половины XIX века	7
ГЛАВА II. Тема детства в прозе конца XIX - начала XX века.....	17
2.1. Образ ребенка в рассказах А.П. Чехова.....	17
2.2. Социальная тема в произведениях М. Горького.....	30
2.3. Особенности раскрытия темы детства в творчестве Л.Н. Андреева	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	43
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Тема детства всегда привлекала внимание русских писателей. Образ детства в искусстве и литературе России появился сравнительно недавно, с середины XIX века. Непростую жизнь детей того времени описывали в своих произведениях такие выдающиеся мастера, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков и др. Далее, развивая их традиции в изображении ребенка, А. Чехов, В. Короленко, А. Куприн, М. Горький, Л. Андреев включили детскую тему в общий круг вопросов, вызвавших широкий отклик в общественном сознании России на рубеже XIX – XX веков. В их числе были вопросы несовершенства общественных отношений и человеческой личности и др.

Художественная концепция детства в русской литературе имеет значение одной из ключевых проблем современного литературоведения. Универсальные черты и свойства данной концепции сказываются и в произведениях, специально созданных для детей, и в произведениях общей литературы, в которых развивается тема детства. «На наш взгляд, - считает Г.А. Урунтаева, - перелом в понимании внутреннего мира ребенка в художественной литературе произошел на рубеже XIX-XX столетия и был подготовлен открытиями Л. Толстого и Ф. Достоевского [42, с.3]. Глубокий кризис, к которому пришла мировая цивилизация на рубеже XIX-XX веков, вызвал разочарование в итогах человеческой деятельности, в его разуме, в культуре. Исследуя причины человеческой несостоятельности, многие писатели обратились к проблемам детства, к истокам личности (А. Чехов, Л. Андреев, И. Бунин, Н.Г. Гарин-Михайловский) и обнаружили незнакомый по сути мир, сложный, самодостаточный, живущий по собственным законам. Открывшийся впервые писателям XX в. сложный душевный мир ребенка потребовал от художественного произведения и новой поэтики, и новаторского языка.

«Память детства, проверка жизни детством необходимы искусству. Поэтому писателю так важно ухватить уплывающее детство; оживит его так, чтобы вместе с ним войти в любой дом, куда входил, чтобы видеть лица, жесты, услышать голоса тех, кого видел и слышал», - пишет по этому поводу Н.И Павлова [34, с. 6]. Эти положения определяют **актуальность данной работы.**

Объект исследования – тема детства в прозе писателей конца XIX – начала XX века.

Предмет исследования – особенности изображения темы детства в произведениях писателей конца XIX – начала XX века.

Цель работы – исследовать особенности изображения темы писателями конца XIX – начала XX веков на примере творчества А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть художественную концепцию детства в отечественной литературе;
- 2) выявить особенности изображения образа ребенка в произведениях русских писателей второй половины 19 века и рубежа веков.

В ходе работы применялись следующие **методы**:

- 1) культурно-исторический метод;
- 2) биографический метод;
- 3) сопоставительный метод.

Особенности изображения темы детства в произведениях середины и конца XIX века рассмотрены в статьях Грицановой М.В. «Проблемы повествования в произведениях С.Т. Аксакова для детей», Михеичевой Е.А. «Художественный мир Леонида Андреева», монографиях Катаева В.П. «Волкова А.А. «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков», учебном пособии «Детская литература» Арзамасцевой И.Н.

Обозначенная в теме дипломной работы проблема в названных работах рассмотрена эпизодически, разрозненно. В данном исследовании предприня-

та попытка обобщить имеющийся материал, самостоятельно проанализировать отдельные рассказы А. Чехова, Л. Андреева, М. Горького. В этом и состоит **новизна исследования.**

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. Введение раскрывает актуальность выбранной темы, определяет объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, раскрывает теоретическую и практическую значимость работы.

Первая глава посвящена особенностям раскрытия темы детства в произведениях русских писателей второй половины XIX века (С.Т. Аксаков, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой).

Во второй главе анализируются произведения о детях известных русских писателей рубежа XIX – XX веков (А.П. Чехов, М. Горький, Л.Н. Андреев).

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы студентами при подготовке к практическим занятиям по детской литературе и при подготовке к урокам во время педагогической практики.

ГЛАВА I. Тема детства в произведениях русских писателей второй половины XIX века

Значительные перемены в литературе, произведенные романтиками в первой половине XIX века, определили новые формы литературы для детей и ввели тему детства в литературу для взрослых. В русскую литературу тема детства вошла «как признак интенсивного самосознания личности и нации, отдалившихся от своих стихийных, бессознательных истоков — и обернувшихся к ним» [50, с. 243].

В это время «создавался образ детства с четкими национальными чертами, растворялись признаки сословной принадлежности ребенка» [6, с. 109]. Сформировались традиции изображения русского детства — зима, деревенская жизнь и народные забавы, чувствительный и добрый ребенок.

Появление широкого круга читателей из крестьянской, из низовой городской среды поставило вопрос о новой литературе «для народа». Особенно остро ощущалась потребность в детской литературе, доступной и понятной этому новому читателю. Одним из первых об этом заговорил Л.Н. Толстой.

Обобщая свой опыт преподавания в Яснополянской школе, «Толстой пришел к выводу, что нет литературы, которую можно бы было дать только что научившимся читать детям» [36, с. 161]. Крестьянские дети не понимали ни «Робинзона Крузо», ни «Илиаду» в переводе Гнедича, ни «Похождения Грибуля» Жорж Санд, ни даже пушкинского «Гробовщика» или гоголевской «Ночи перед Рождеством». «Некоторые дети плакали с досады, что не могут понимать и рассказывать», - писал Лев Николаевич о своем опыте преподавания литературы [39, с. 179]. Не годились и грубые подделки под народный язык – псевдонародная литература, в изобилии хлынувшая на рынок. Нужна была особая, «подходящая по понятиям» этих детей, «переходная литература». Она, по мысли Толстого, должна была помочь неопытному читателю освоить литературный язык, подвести к пониманию Карамзина и Пушкина.

На запрос времени откликнулись писатели, поэты, которые были близки к народной среде (Н. Некрасов, А. Плещеев, И. Суриков), педагоги (К. Ушинский, его последователи, сам Л. Толстой), писатели-народники.

Синтез литературной и педагогической деятельности позволило Л.Н. Толстому, К.Д. Ушинскому создать великолепные произведения для детей, вышедшие за рамки учебных книг, ставшие впоследствии классикой детского чтения.

В 60-70-е годы XIX века к детской литературе обратились многие педагоги – так велика была потребность в материале для учебных занятий, для внеклассного чтения. Для многих крестьянских детей эти первые книги, прочитанные в школе, надолго сохранялись в памяти, были едва ли не единственными источниками систематических знаний о мире.

На почве общественного интереса к детской литературе во второй половине 19 века интенсивно развивается периодика. Кроме регулярно выходящих в печати с начала 50-х годов «Звездочки» и «Лучей» А. Ишимовой, «Журнала для детей» М. Чистякова, в этот период почти ежегодно возникают новые издания. Так, в 1856 году впервые вышел «Художественный журнал для юношества», в 1858 – «Подснежник», в 1859 «Детский журнал», «Собеседник» и «Рассвет».

С развитием журналистики тесно связана и литература познавательной направленности. Основной поток информации шел в журнальной периодике. Книжки часто представляли собой отдельные издания уже опубликованного журнала или журнального приложения. Характерный для 60-х годов интерес к науке выразился в разработке естественнонаучной тематики. Издания энциклопедического, универсального характера немногочисленны. Те, что создаются в это время, носят прикладной характер. Такова, к примеру, книга А. Пчельниковой «Беседы с детьми» (1858 – 1859). Используя традиционную форму беседы матери с дочерью, Пчельникова знакомит читателей с широким кругом реальных знаний: дом, быт, мастерские, домашние животные. Здесь же были помещены рассказы по естествознанию, пословицы, сказки и

рассказы. Эта книга была в свое время высоко оценена Чернышевским по тематике, по манере изложения.

Вторая половина XIX века – время расцвета литературы для детей. В этот период трудно назвать писателя, в той или иной мере не способствовавшего развитию художественной литературы. Н. Некрасов, Л.Н. Толстой, Д.Григорович, М. Михайлов систематически пишут для детей.

Произведения о детях С.Т. Аксакова и Л.Н. Толстого ввели в большую литературу нового героя – ребенка с его уникальным, неповторимым миром чувств, мыслей, интересов.

Сергей Тимофеевич Аксаков вошел в историю русской литературы как видный писатель-реалист. Он жил в эпоху бурного развития русской литературы.

Среди произведений, созданных С.Т. Аксаковым для детей особое место занимают повести «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Они носят автобиографический характер.

Главным героем «Семейной хроники» является дед Степан Михайлович Багров. Это человек с хорошими природными данными: он чуток к добру и злу, смел, деловит, силен. Началом сюжета служит переезд деда из родовой вотчины в Симбирской губернии в Оренбургскую, где за бесценок купил он пяти тысяч десятин отличных земель. Освоение этих земель, строительство дома и усадьбы, рождение и воспитание детей, заботы о хозяйстве, яркие картины помещичьего быта в степном крае являются основным содержанием книги.

Простота повествования, обилие ярких фактов, интересных событий и занимательных подробностей, прямолинейный сюжет без отклонений от основной линии, композиционная стройность делают «Семейную хронику» книгой интересной и доступной детям среднего возраста. Поэтому она и вошла в круг детского чтения еще при жизни писателя.

«Детские годы Багрова-внука» - продолжение «Семейной хроники» - писались для детей и посвящены автором внучке, которой в год издания ис-

полнилось десять лет. В книге он описывал историю своего детства с трехлетнего возраста до девятого года и предназначал ее для детского чтения. «Новаторский характер произведения Аксакова, - считает М.В. Грицанова, - проявился прежде всего в оригинальной структуре повествования. Сложная задача писать для детей и одновременно «как для взрослых» породила весьма своеобразный сплав, где слились голоса нескольких рассказчиков...» [22, с. 189]

Наибольшее затруднение у писателя вызывал тон повествования, который должны воспринимать дети. В некоторых местах, как ему казалось, он преувеличивал возможности юных читателей. Другие части ему казались слабыми, так как, приноравливаясь к детям, он упрощал стиль. Чтобы выйти из такого положения, Аксаков обращался за советами к своим друзьям, читая им готовые отрывки.

Аксаков стремился передать свои впечатления, писать обо всем точно и ясно, чтобы юные читатели «получили такое же понятие об описываемых предметах, какие... сам имел о них». Книгу свою он предназначал для детей, но не маленьких, а тем, «которым около 12-ти лет» [37, с. 275].

«Детские годы Багрова-внука» - законченное и зрелое в художественном отношении произведение писателя. Через восприятие маленького героя в ней показаны яркие картины русского быта конца XVIII века, запечатлена природа Заволжья. На глазах читателя развивается, формируется внутренний мир дворянского мальчика. Пожалуй, самое большое влияние на него имела русская природа и чтение.

Многочисленные переезды с места на место позволяют знакомить читателя с окружающим миром, каждый раз открывать новое. На первом месте стоит природа, которая играет важную роль в воспитании героя. Не случайно Аксакова называют певцом природы. В отличие от многих писателей, он редко восторгается ее красотой и величием, а поэтически одушевляет ее, раскрывает ее тайны, проникает в суть явлений.

Раскрывая тайны природы, показывая ее красоту, автор воспитывает глубокую привязанность к ней. Ее герои не только созерцатели и тонкие наблюдатели природы, они активно взаимодействуют с ней, являются рачительными хозяевами. Нередко они приходят в восторг от нее. Но восторг этот является следствием не любования, а тесного соприкосновения, взаимодействия с нею.

Особенно ярко рисует автор бурное наступление весны, прослеживает ее влияние на чувства мальчика: «Приближение весны в деревне производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатление. Я чувствовал никогда не испытанное мною особого рода волнение... Мало-помалу я привык к наступающей весне и к ее разнообразным явлениям, всегда новым, потрясающим и восхитительным» [3, с. 210].

Кроме непосредственного общения с окружающим, другим толчком, пробудившим интерес героя к природе, явилось чтение новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума», богатого научно-познавательными статьями. Большое влияние оказал на героя повести его отец, страстный охотник и рыбак, а еще больше – его дядька, крепостной Евсеич, нежно любивший мальчика, оберегавший его от всех бед и любовно называвший «соколиком».

Коренные вопросы социального строя, подневольное положение крепостных, не вызывали сомнений у Сережи. Он понимал, что на этом свете «есть господа, которые приказывают, есть слуги, которые должны повиноваться, и что я сам, когда вырасту, буду принадлежать к числу господ» [3, с. 16]. Но несмотря на свое барское происхождение, он сочувствовал простым людям, проявлял интерес к ним.

Увидев в Парашине работающего на мельнице больного старика Василия Терентьева, которого к тому же притесняет жестокий староста Мироныч, Сережа «начал чувствовать внутреннюю дрожь» [3, с. 243] от негодования, забыв при этом о «родниках и мельнице», которые до этого восхитили его.

Сережа видел крестьян за работой и все более убеждался в том, что труд приносит им радость. Он любовался их трудовой сноровкой и мастерством и пришел к выводу, что в нравственном отношении крестьяне выше помещиков. Он видел, что у косарей «на загорелых лицах были написана радость, некоторые тяжело дышали, у них были обвязаны грязными тряпицами пальцы на руках и босых ногах. По загорелым лицам жнецов и жниц текли ручьи пота, но лица были веселы». «Я чувствовал какое-то непонятное волнение: очень полюбил этих добрых людей»[3, с. 274]. И тут же мальчик отмечал, что они работали на барщине даже в праздники. В такие дни только стариков и детей отпускали в церковь, но после обедни и их возвращали в поле.

Сережа каждый день делал новые открытия. В имении Прасковьи Ивановны он увидел слуг, которые ссорились, воровали и сплетничали. Как всякий ребенок, он обладал редким даром наблюдательности, что помогло ему расширять и углублять представление о жизни, о людях и их взаимоотношениях.

Писатель то и дело говорит об особенностях детского возраста и на этой основе делает педагогические выводы. Утверждая, что дети обладают цепкой памятью, предупреждает, что неосторожно сказанное при них слово может послужить толчком к плохим поступкам.

Каждая глава представляет собой законченное целое и в то же время выступает часть всего произведения. Обо всем рассказывается обстоятельно, неторопливо, с большим тактом и чувством меры. Писатель не прибегает к эффектам, трафаретным литературным приемам, рассчитанным на то, чтобы удивить, озадачить писателя. Он ведет его вглубь жизни, заставляет думать, не торопится сообщить о конце события, заинтересовывает не яркими событиями, а занимательными подробностями, маленькими открытиями. Подобная манера повествования благотворно действует на читателя, дает возможность обдумать прочитанное.

Повесть «Детские годы Багрова-внука» дает современным детям наглядные представления о крепостном строе, воспитывает гуманные чувства, вызывает уважение к простому труженику, учит ценить его духовное богатство, трудовое мастерство, воспитывает любовь к русской природе, бережное отношение к ней.

К.Д. Ушинскому Россия обязана становлением своей педагогической науки, созданием первоначального обучения и начальной школы.

В учебных книгах Ушинского глубоко и талантливо отражена природа ребенка, учтены законы его умственного и нравственного развития. Рассказы Константина Дмитриевича отвечают очень важному требованию педагогики: не только учит, но и развивать, приобщать детей к познанию мира.

К.Д. Ушинскому принадлежат удивительные по глубине и образности высказывания о связи языка и духовной культуры народа: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина...» [44, с. 108]

Ушинский был «принципиальным сторонником народной школы с трудовым обучением и трудовым воспитанием» [15, с. 158]. Он признавал необходимость физического труда для детей в школе. Трудовое обучение в школе он рассматривал как существенную часть содержания образования в ней. Труд – необходимое условие развития человека и поддержания его достоинства.

Детскую литературу, чтение в школьные годы Ушинский рассматривал как способ постижения народной культуры, богатств родного языка. Практическое воплощение идеи педагога получили в созданных им книгах для чтения «Детский мир» и «Родное слово». Они интересны, во-первых тем, что дают представление о круге детского чтения того времени и, во-вторых, знакомят с творчеством Ушинского как самобытного детского писателя, многие произведения которого составляют классику детского чтения.

Основной жанр «Детского мира» - небольшие, научно-познавательные статьи. Они принадлежат, в основном, Ушинскому.

Оригинален был замысел Ушинского – соединить в учебной книге познавательный и художественный материал, дать два рода чтения: логическое и художественное.

На страницах «Детского мира» возникает образ Родины, объединяющей все части этой замечательной книги. Читая статьи о природе, животном мире своего края, размышляя о прошлом, восхищаясь красотой былинного слога, песенных напевов, дети проникаются живым, трепетным чувством к своей Родине, учатся ценить и понимать ее материальную и духовную культуру.

Вторая знаменитая книга Ушинского – «Родное слово» (1864) – имела сходные с «Детским миром» Принципы отбора материала для чтения. Она состояла из азбуки и первого после азбучного периода книги для чтения.

Рассказы Ушинского сюжетны. В них часто присутствует герой-ребенок. Это обостряет интерес читателя-сверстника к содержанию произведений. Рассказ «Как рубашка в поле выросла» построен как развернутая метафора. Любознательная Таня пытается понять загадочные слова отца: «А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке». Девочка наблюдает, как лен всходит, цветет голубыми цветочками, потом его убирают, отбеливают... И вот, наконец, новые, «белые, как снег» [43, с.73], рубашечки. Ребенок узнает, как много труда, терпения, поэзии вложено в каждую вещь, сделанную руками человека.

Есть много общего в мотивах обращения к литературе для детей Ушинского и Толстого. Оно «шло от страстного желания содействовать народному просвещению, свободному образованию и развитию подрастающего поколения – будущего России» - пишет Т.Д. Полозова [36, с.189].

Среди персонажей Толстого малыши, подростки, крестьянские ребята и барские дети. Толстой не акцентирует внимание на социальной разнице, хотя в каждом рассказе дети в своей среде. Деревенский малыш Филиппок, в

большой отцовской шапке, преодолевая страх, отбиваясь от чужих собак, идет в школу. Не меньшей смелости стоит маленькому герою рассказа «Как я выучился ездить верхом» упросить взрослых взять его в манеж, а потом, не испугавшись падения, вновь сесть на Червончика.

Основным художественным приемом в изображении детей у Л.Н. Толстого часто оказывается прием контраста. Иногда это контрастные детали, связанные с описанием внешности. Чтобы подчеркнуть, насколько мал Филипок, писатель показывает его в огромной отцовской шапке и длинном пальто.

«Иногда это контрастность душевных движений и их внешнего проявления, помогающая раскрыть внутренний мир ребенка, психологический обосновать каждый его поступок», - отмечает Е.Е. Зубарева [24, с. 164].

Миша понимает: нужно признаться взрослым, что он бросил в помой для коровы осколки разбитого стакана, но боязнь сковывает его, и он молчит.

Дети часто бывают непослушны, совершают неверные действия, но писатель не стремится дать им прямую оценку. Нравственный вывод читателю предстоит сделать самому.

Сюжеты большинства рассказов Толстого о детях драматичны, описания почти отсутствуют. В процессе работы над рассказами Толстой усиливает их эмоциональное и воспитательное воздействие на детей.

Тема детства в творчестве Толстого получила философски глубокое, психологическое звучание. Писатель ввел новые темы, новый пласт жизни, новых героев, обогатил нравственную проблематику произведений, обращенных к юному читателю.

Итак, во второй половине XIX века почти все русские писатели-прозаики обращались к теме детства и писали для детей. В их числе и писатели-педагоги: К. Ушинский, Л. Толстой, создавшие уникальные учебники-хрестоматии для детей младшего школьного возраста. Их рассказы отличаются жанровым и тематическим разнообразием. Образы детей нарисованы с

большой симпатией, знанием детской психологии. Особенно много рассказов они написали о крестьянских детях.

Таким образом, мы видим, что в литературе второй половины XIX сложилось особое восприятие детства.

В следующей главе мы проанализируем произведения писателей конца XIX – начала XX века, в которых тема детства представлена наиболее выразительно.

ГЛАВА II. Тема детства в прозе русских писателей конца XIX - начала XX века

2.1. Образ ребенка в рассказах А.П. Чехова

А.П. Чехов (1860—1904) вошел в историю русской и мировой литературы как мастер психологического анализа. Он умел выявить тончайшие нюансы человеческой личности, скрытые мотивы поступков и слов. Развивая тему «маленького человека», традиционную для русской прозы XIX века, Чехов делал акцент на ответственности самого человека за свое унижение.

О детской литературе Чехов высказывался парадоксально: «Так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых» [6, с. 229]. Он считал, что лучше не писать специально для детей, а «выбирать из того, что уже написано для взрослых, т.е. из настоящих художественных произведений». «Так называемая детская литература» вызывала у него стойкое неприятие, которое выражалось в остроумных замечаниях, насмешливых подражаниях плохим нравоучительным стихам, а то и в злой сатире на фальшь и безграмотность иных детских рассказов («Сапоги всмятку»).

От этих взглядов Чехов не отступал на протяжении всего творческого пути. Несмотря на это, многие другие его рассказы вскоре после публикации во «взрослых» журналах входили в детское чтение.

Писателя никогда не привлекала литература собственно детская, однако, мир детства, всегда неожиданный, необычный, яркий — это целая область исследований для А. П. Чехова. Для него это особый мир, дети у него — особые люди. Писателя его очень волновала сама стихия детства, притягивал внутренний мир детей, который не был еще испорчен влиянием общественной среды. В детском сознании он находил неискушенный, гармоничный взгляд на жизнь. «Он любит ребенка, - говорит Ю.И. Айхенвальд, - он ласково держит его за руку и глубоко, с доброй улыбкой, заглядывает в

его маленькую душу» [1, с. 225]. Тема детства давала выход его эмоциональному стремлению понять границы соотношения мира взрослых с миром детей. Большая часть произведений Чехова о детях приходится на вторую половину 1880-х гг. — время его становления как крупного, драматически мыслящего художника.

В пору напряженных идейных поисков и мировоззренческих кризисов конца XIX в. детская жизнь вызывали у русских литераторов особый интерес.

Чехов, как создатель образа детского мира, является наследником традиций Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, В.Г. Короленко. Преимущественное внимание к боли, беде, одиночеству сближает его также с Ф.М. Достоевским, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Г.И. Успенским, В.М. Гаршиным. Дети, изображенные Чеховым — часто существа подневольные и страждущие. Чехов писал о том, что хорошо знал, наблюдал, выстрадал. Он постоянно сопереживал, сочувствовал детям, остро ощущая их несчастье, чеховские дети-герои вызывают в читателе не просто глубокую грусть, но боль и тоску.

Сам Чехов ребенком не знал счастья беззаботности. «В детстве у меня не было детства», — не раз говорил писатель. Себя и своих братьев он называл «маленькими каторжниками», имея в виду обязательства работы в лавке и другие родительские дисциплинарные меры. Но этот тяжелый «каторжный» путь не омрачил его души, а наоборот, возбудил в нем жажду любви к жизни, людям.

При жизни Чехова, как писателя детской темы, приветствовали неоднократно. О чистоте художественного взгляда Чехова, его умении смотреть на жизнь глазами ребенка, об определенной «детскости» дара писателя говорилось не раз как при его жизни, так и позднее. Д.С. Мережковский говорил о «задушевной гуманности» Чехова, подмечая его «чувствительность, неисчерпаемую, очаровательную, как у женщин и детей» [28, с. 553]. Специфику чеховской характерологии подчеркивал В. Набоков: «Ни один писатель не создал столь трогательных, но без грана сентиментальности, персонажей»

[31, с. 325]. О необыкновенной реалистичности творчества Чехова писал К.И. Чуковский: «Читаешь чеховский рассказ или повесть, а потом глянешь в окошко и видишь как бы продолжение того, что читал» [48, с. 94-95]. Ценна мысль Ю.И. Айхенвальда о том, что, «наблюдая детей, автор вместе с тем показывает нас самих, но в оценке Гриши, Коли, Нади и т. п.» [1, с. 227]. Основываясь на анализе рассказов Чехова, критики развивали тему виновности родителей перед детьми, унижения детей взрослыми, развращающего влияния взрослого мира на детскую душу.

В рассказах Чехова о детях исследователи обычно выделяют два основных аспекта: 1) восприятие мира глазами ребенка и 2) восприятие взрослыми детского мира. Писатель изображает те моменты в жизни детей, которые позволяют выявить проблемы, возникающие от непонимания взрослыми мира ребенка. Он строит свои рассказы чаще всего на столкновении детского сознания с миром взрослых, чуждым и непонятным. В одних произведениях изображаются оба мира как пересекающиеся. События рисуются такими, как их видят взрослый и ребенок. В других внешний мир, с которым сталкивается маленький человек, предстает целиком в его восприятии. Через взаимодействия между детьми и взрослыми выявляются психологические особенности тех и других.

Чехов предстает как знаток детской психологии и поведения. Восхищают его наблюдательность, фантазия, дар перевоплощения, умение смотреть на мир глазами героев. Писатель передает свежесть детского взгляда, его острую способность видеть красоту (ведь даже тусклые краски в детском восприятии всегда остаются яркими). Каждый ребенок в представлении Чехова — это личность со своими вполне определенными чертами, интересами, привычками, способностями. Дети независимо от возраста остаются во многом беспомощными, но они бескорыстней, чем взрослые, с большей готовностью способны прощать окружающих. Их души мягче. Поэтому окружающий мир, в котором так мало доброты, тепла и любви, часто им непонятен, чужд и страшен.

Чехов прибегает к простым и лаконичным средствам, сразу вводит читателя в суть происходящего. Хорошо сказал об этом качестве его стиля В. Набоков: «Чехов входит в рассказ... без стука. Он не мешкает...» [31, с. 330]. Первые фразы рассказов — при своей абсолютной простоте — многомерны. В них содержится целое повествование. «Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали на крестины к тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади», — так начинается один из наиболее известных его рассказов «Детвора» (1886) . Читатель тут уже ощущает слог и тональность, свойственные мышлению детей. Именно от их лица ведется повествование. Чувствуется огромная симпатия автора к миру ребенка, признание его равноправным с миром взрослых.

«Папа, мама и тетя Надя» — близкие детям люди, и они названы так, как их называют дети. «Старый офицер» — лицо из взрослого мира и, видимо, само по себе детям неинтересное, но им интересно сообщение о том, что в его доме будут крестить ребеночка, интересна и маленькая серая лошадь, на которой ездит этот старый офицер. Есть еще одна фигура в рассказе — Филипп Филиппыч. Остается так и непонятным, кто он. Детям это все равно, и Чехов отлично знает это. Но Филипп Филиппыч все-таки вызывает интерес у детей. «Нехороший человек... — вздыхает Соня. — Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично» [43, т. 1, с. 15]. А еще Филипп Филиппыч наделен привлекательным для детей умением «заводить» веки, от чего глаза «становились красными, как у нечистого духа» [43, т. 1, с. 15]. Чехов показывает особую детскую внимательность к тем «пустякам», которые обычно стираются в восприятии взрослых. Зоркость самого Чехова-писателя очень похожа на детскую.

Дети играют в лото не в силу потребности беззаботно повеселиться, а от гнетущей скуки, на которую их обрекли уехавшие в гости родители. Дети предоставлены сами себе, сиюминутное воздействие взрослых отсутствует. Однако духовно-душевный мир детей формируется под влиянием мира взрослых. Дети играют во «взрослую» игру, играют, как взрослые, «с азар-

том», на деньги, пользуясь терминами и языком взрослых. В игре раскрываются характеры. Какие тонкие, яркие портреты! Практичный и завистливый девятилетний Гриша, умненькая и самолюбивая Аня («лет восьми»). А вот их шестилетняя кудрявая сестренка Соня явно более всех по душе автору. Писатель «в лоб» об этом не пишет, однако все, что сказано о девочке, не вызывает сомнения в авторской симпатии. Соня «играет в лото ради процесса игры, по лицу ее разлито умиление. Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши» [43, с. 16].

Алеша описан не без иронии; нет сомнения, что у такого маленького существа уже закладывается вовсе не ангельский характер: «По виду он флегма, но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого» [43, с. 16]. Характеры проявляются в игре: «Аня видит, что Андрей прозевал 28. В другое время она указала бы ему на это, теперь же, когда на блюдечке вместе с копеечкой лежит ее самолюбие, она торжествует». Или «Партия! У меня партия! — кричит Соня... — Проверить! — говорит Гриша, с ненавистью глядя на Соню» [43, с. 16].

Замечательно описание стола, за которым играют: «стол... пестрит цифрами, ореховой скорлупой, бумажками и стеклышками» [43, с. 16]. Чехов активно использует прямую речь, диалоги динамичны, подчеркнута эмоциональность детского восприятия, поведения, быстрые смены настроений (отсюда быстрые смены тем разговоров). Чехов видит окружающее глазами детей и признает их право быть собой.

Очень точно Чехов показывает, сколь бесцеремонно может быть вторжение взрослых в детский мир. От взрослых в рассказе как бы представляет гимназист пятого класса Вася. Его тянет к детям, он садится играть с ними. Но вместе с тем: «Это возмутительно! — думает он. — Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогия, нечего сказать» [43, с. 16].

Борьба амбиций, самолюбий, алчность — все это присутствует в среде совсем еще малышей. И все же дети трогательны, непосредственны, открыты добру. Чехов не прибегает ни к каким рассуждениям. Свидетельствуют лишь диалоги в игре, и финал — словно бы всепобеждающее детское братство. Соня заснула, в постель «ее ведут всей гурьбой, и через какие-нибудь пять минут мамина постель представляет собой любопытное зрелище. Спит Соня, возле нее похрапывает Алеша. Положив на их ноги голову, спят Гриша и Аня. Тут же, кстати, заодно примостился и кухаркин сын Андрей. Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!» [43, с. 17].

Удивительно чеховское умение одним-двумя словами выразить отношение к человеку, описать ситуацию. Всего-то сказано: «примостился и кухаркин сын Андрей», а за этим — целая судьба, драма не то чтобы отверженного, но человека, который с младенчества должен знать «свое место», и вот выдался случай, повезло: он рядом с другими детьми, как все. А это заключительное «Спокойной ночи!». В нем столько любви, столько понимания! «Детвора» — один из самых теплых и вместе с тем психологически глубоких рассказов Чехова о детях.

Объективность Чехова не позволяет ему в детской теме предаться только умилению. Дети разные. Некоторые уже успели «набраться» у «взрослой братии» много чего «негожего». Так появляется шуточный рассказ о завтрашнем доносчике «Злой мальчик» (1883), о ребенке, способном получать удовольствие от смущения и страдания других и даже извлекать из этого выгоду. Влюбленные пытаются уединиться, но постоянно на их пути — злонамеренная «помеха». Коля не только клязник («не честный и не благородный человек»), но еще и безжалостный вымогатель, мучитель своих жертв: «Подлец! — скрежетал зубами Лапкин. — Как мал, и какой уже большой подлец! Что из него дальше будет?!» [43, с. 24]. В уста Лапкина Чехов вкладывает собственные мысли: что же выйдет из человека юного, коль

он в своем будто бы невинном возрасте наделен столь неприглядными чертами?

Как многие чеховские произведения, рассказ написан словно на одном дыхании, с необычайной легкостью, полон мягкого юмора. Взят вроде бы пустяковый случай, а рассказ содержателен и глубок. Здесь и дивные эскизные портретные характеристики, и описание влюбленности, а главное — «злой мальчик». Почти определившаяся натура человека, которому всего-то лет десять. Как бы комедийно ни была описана ситуация, из нее отчетливо следует: зло рождает зло.

В рассказе мало слов «от лица ребенка», лишь несколько реплик в диалоге. Гораздо больше непосредственной авторской речи, но есть вкрапления фраз, интонаций «злого мальчика». Благодаря этому непосредственному «переселению» в душу ребенка повествование делается образным, сочным. В маленькой по объему вещи очевиден метод Чехова: он будто бы на все смотрит со стороны, никого напрямую не обличает, никого указующим перстом не обозначает и не карает. Он словно говорит самой формой повествования: я вам все описал, представил, попробуйте сами сделать вывод. Он призывает думать, чувствовать.

Образы, которые будят разум и совесть, создал писатель в рассказах о детях-сиротах, обездоленных, живущих тяжело и беспросветно.

Наверно, трудно найти более хрестоматийного литературного героя, чем чеховский Ванька Жуков из рассказа «Ванька» (1886). Кроме ярко выраженных социальных мотивов, в этом произведении есть и глубочайший психологический портрет, и удивительное сочетание трагизма и юмора. Как и в другом знаменитом рассказе — «Тоска», где герой высказывает свою боль «в никуда», в одном случае — лошади, в другом — бумаге, которая никогда не найдет адресата, ибо писана в отчаянии — «на деревню, дедушке». Однако из безнадежной ситуации есть выход, имя которому — исповедь. Человек высказал свою боль, и это приносит ему облегчение. Это и есть начало избавления от невыносимой душевной и физической муки: «стал писать» [43, с. 24].

Поразителен талант мальчика, богатство его воображения, его наблюдательность, память, вместившая все впечатления детства. Чехов явно любит своего героя, ведя рассказ от его лица. Очень поэтично, с пушкинской простотой описана природа, — этот эпизод существует и в контексте воспоминаний Ваньки и как бы сам по себе. Образ деревни прекрасен, как прекрасна и заманчива мысль мальчика о возвращении домой. Когда Ванька рассказывает о своей беспросветной жизни в учении у сапожника, появляются «ейный», «харя», «морда», «трескают» [46, с. 19]. Грубый быт рождает и соответствующие слова. А воспоминания о жизни дома, в деревне, связаны с прекрасным. И слова, в которые облакаются картины воспоминаний, — яркие, образные, светлые: «Убаюканный сладкими надеждами, он, час спустя, крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам...» [46, с. 19].

Этот маленький литературный шедевр достигает высот трагедии. Горькая сиротская судьба мальчика воспринимается и в более широком смысле. Ведь дедушка Константин Макарыч отправил любимого внука в город, думая, что там ему будет лучше, чем в родной деревне. «Ванька», как и многие произведения Чехова, — об одиночестве, о том, как трудно быть понятым, о невозможности предощутить страдание другого человека.

Незащищенность ребенка от произвола взрослых может толкнуть его на поступок ужасный и все-таки понятный, если представить себе ту пытку лишением сна, на которую обречена маленькая нянька в рассказе «Спать хочется» (1888): «Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но все еще кричит, и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булабочная головка» [45, с.64].

В повести «Степь» (1888) (произведении многоплановом, сложном по композиции, с большим числом действующих лиц) образ ребенка раскрывается в его отношениях с окружающим. Девятилетний Егорушка, которого

родственник и сельский священник везут в город учиться, — одна из центральных фигур повести. Этот мальчик, очень ранимый, душевно одинокий, лирически настроенный — уже личность, со своими вкусами, пристрастиями, оценками, даже взглядами на того или иного человека, на тот или иной факт. За время своего мучительного путешествия, приглядываясь к протекающей рядом жизни, он делает неутешительный вывод: «Как скучно и неудобно быть мужиком!» [46, с. 79].

В немалой степени именно его глазами видится и оценивается происходящее. Сознание юного героя выявлено через его способность понимать жизнь природы как подобие жизни человека. Вот страшная картина грозы глазами Егорушки, соответствующая его собственному отчаянию и оставленности: «Кто-то чиркнул по небу спичкой»; «Чернота в небе открыла рот, и дыхнула белым огнем» [46, с.72]. Возможно, мальчика нельзя назвать главным персонажем повести, но только по той причине, что главный герой — сама степь.

Знакомый чеховский мотив — сочувствие ребенку, жизнь которого взрослые устроили по своему разумению, ничуть не вдумываясь или по крайней мере не вдумываясь глубоко в то, каково же самому мальчишке, которого отдают в чужие руки, отправляют в полную неизвестность? Каково детской хрупкой душе быть оторванной от привычного мира? Чехов с необычайным сочувствием пишет о горящем ребенке. Он полностью на его стороне. И называет его ласково, не иначе как Егорушка. Постоянно подчеркивает, с одной стороны, тоску и одиночество мальчика, а с другой — его наблюдательность, способность видеть красоту, радоваться прекрасному.

Есть один интереснейший прием, который Чехов применяет как бы исподволь. По тому, как разные люди относятся к ребенку (а их десятки встречаются в пути), писатель, в сущности, рассказывает о самом человеке: добр он или зол, алчен ли, способен ли на сострадание. Так, к примеру, еврейская чета на постоялом дворе, пожалев сироту, отдает Егорушке пряник, отрывая его от своих многочисленных детей. Образ Егорушки вырастает до символа.

Это и символ романтизма, поэтичности детской души, непосредственности детского сознания, и некий знак одиночества человека, вступающего в жизнь.

Одна из главных идей рассказов Чехова о детях в том, что уже в раннем возрасте ребенок обладает вполне определенными чертами характера, более того, во многом это уже сформировавшаяся личность. Но при этом дети еще далеки от жизни взрослых, у них нет опыта, нет затянувшихся душевных ран, неизбежно возникающих с возрастом, пока человек «обтесывается» об острые углы жизни. Они живут в своем наивном мире, полном добра, любви, иллюзий, доверия, искренности.

Детская душа чутка ко всему хорошему, и счастливое состояние души, как правило, присуще ребенку постоянно, это одно из существенных его отличий от взрослого. Но когда гармонию детского мира с его бесхитростными помыслами нарушают равнодушие и хладнокровие взрослых, доверчивость к жизни начинает колебаться. Пошлость и жестокость взрослых постепенно гасят искру Божью в душе маленького человека.

Возникает еще одна и не менее значимая тема. Трудности человеческого общения, прежде всего общения между отцами и детьми, людьми разных поколений, начинаются не вдруг, не в зрелом возрасте; истоки этого процесса коренятся именно в детстве. И возникают эти трудности от нежелания, а нередко от невозможности взрослых воспринять мир ребенка, от их невнимания к детской душе. В мире каждого писателя всегда есть свое особое зло, от которого страдают его герои. У одного писателя это бедность, у другого — несправедливость, у третьего — жестокость. У Чехова... существенным злом является одиночество. Писатель показывает людей, одиноких буквально... и людей, одиноких среди близких. Неблагополучие в семейной жизни в произведениях Чехова чаще всего выражается не в притеснении, издевательствах или в других подобных формах зла, которые могут принести люди своим близким, а в отчуждении, равнодушии и взаимном непонимании.

Широко известно письмо А. П. Чехова к брату Николаю (март 1886 г.) о требованиях к воспитанному человеку. Писатель формулирует восемь наиболее важных, с его точки зрения, принципов. Казалось бы, впрямую они не касаются темы детства, но очевидна их сущностная связь с раздумьями Чехова-художника о детях. Так, в пункте первом автор пишет о воспитанных людях: «Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы». Или, к примеру, в пункте четвертом: «Они чистосердечны и боятся лжи как огня, не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего». Разве не о том же говорит Чехов, описывая взрослых в их непонимании поступков и состояния детей?

В рассказах Чехова о детях с большой горечью говорится в первую очередь о «невоспитанности» взрослого мира, который истребляет в человеке самые человеческие качества, обучает его порокам. Отсюда и неправильное восприятие взрослыми детского мира, полного доброты, любви, сочувствия, искренности, правды. Взрослым непонятна детская душа, но часто они и не желают ее понять. Порой своими словами и поступками взрослые неосознанно травмируют душу ребенка, обрекая его на одиночество («Событие», «Житейская мелочь», «Отец семейства»). В то же время часто взрослые бессильны, даже когда стремятся к этому, разобраться в детской душе: попытка понять детскую натуру, простую и одновременно сложную, кончается ничем («Дома»). Однако не только взрослые воспитывают детей, но и дети воспитывают взрослых, которые усваивают черты детскости, учатся у детей быть радостными, добрыми, живыми. Ведь душа детей всегда жаждет любви, заботы, ласки, справедливости, понимания. И только там, где это есть, гармоничны отношения между взрослыми и детьми («Беглец», «День за городом»).

Произведения Чехова о детях — пример столкновения простодушного мира детей с миром взрослых, который во многом им чужд и непонятен. Мастерски «перевоплощаясь» в своих маленьких героев, писатель умеет смотреть на окружающий мир широко раскрытыми глазами детей, но замечает,

конечно, гораздо больше того, что способна вместить и понять бесхитростная детская душа. События, которые рисует Чехов в рассказах о детях, — обыкновенные житейские истории, знакомые читателю. Но, преломляясь через призму детского сознания, эти «истории» открывают перед нами своеобразие детского восприятия окружающих и окружающего, непосредственность реакции, идущей больше от чувства, чем от разума, особую внимательность, интерес к тем «пустякам», которые совершенно не волнуют взрослых. Есть тут, конечно, некий элемент писательской мечты и утопии.

Повсюду в повествование вкраплена по-детски наивная образность, с ее помощью автор достигает иллюзии детского взгляда на события. С помощью характерных «чеховских» художественных средств он мастерски передает детское восприятие мира, тонко подмечая его особенные черты: «...Примелькавшиеся вещи и поступки соотнесены с неожиданной шкалой мерок и ценностей; мир как бы увиден заново, то, что привычно и узаконено во взрослом мире, обнаруживает свою относительность...» [24, с. 47]. Прием заимствования речи варьируется от отождествления повествователя с персонажем до обозначения дистанции по отношению к нему. Произведения о детях — органическая часть творчества Чехова со всеми чертами, присущими его поэтике. Воссоздавая характерные черты поведения и мышления детей, он не отступает от своих принципов — обращенности к обыденному, краткости, сдержанности выражения чувств, «недосказанности», надежды на сотворчество читателя. В большинстве произведений через необычный, но правдоподобный случай выявлен в изображаемом характере тип, которому дается непрямая оценка всей системой образов и ситуаций. К рассказам о детях в чем-то приложима мысль Набокова о чеховской прозе в целом: «Нет никакой особой морали, которую нужно было бы извлечь, и никакой особой идеи, которую нужно было бы уяснить. <...> Рассказ основан на системе волн, на оттенках того или иного настроения» [31, с. 337-338].

Параллельный мир взрослых в большинстве случаев бесцеремонно нарушает гармонию мира ребенка и предстает в отталкивающей непригляд-

ности. Дети у Чехова не принимают мир взрослых, они, как правило, далеки от его фальши, жестокости, равнодушия. Поэтому чеховские маленькие герои часто одиноки и беззащитны. Равнодушие — постоянный фон в рассказах писателя, но герои равнодушны и отчуждены не в силу своих индивидуальных недостатков, а в силу всеобщих свойств мира, в котором они живут, поэтому они никогда не несут зло своим близким сознательно. Взрослые обрекают детей на одиночество, сами того не осознавая, просто потому, что так пошло, никуда не годно устроен их собственный мир.

Ребенок — судья взрослого мира. Детский взгляд, голос, интонация оттеняют фальшь взрослой жизни, служат толчком к таким раздумьям, которые далеко выходят за границы детских помыслов. Мысль Чехова нельзя сводить только к любованию чистотой неиспорченной детской души и к осуждению взрослого мира. Детские образы у писателя разные, как различны и образы взрослых. Великий мастер психологии глубоко, емко, лаконично раскрывал все характеры. В жизни детей писатель находил и такие отношения, от которых надо было бы избавиться, и другие, которые он хотел бы видеть во взаимоотношениях между всеми людьми.

«Детские» рассказы Чехова — одна из форм выражения идеала писателя, художественная конструкция взаимосвязей между людьми вообще. Своими рассказами о «недетской» жизни детей писатель взволнованно говорил о том, что дети вправе быть собой, что детство должно быть действительно детством. Размышляя о детях, писатель думал о «взрослых» проблемах, ставших для него «больными вопросами». «Детская» тема у Чехова связана с коренными его размышлениями о нескладной жизни, «убыточной» и ненормальной, о корысти и расчете, отравляющих жизнь людей. И в то же время — это круг его раздумий о человеческой и природной красоте, о вольных и счастливых людях, о самой возможности счастья.

Как и во всем, что написано Чеховым, в его рассказах о детях отражалась подлинная жизнь того времени. Строгая и объективная позиция писателя, ясность и выразительность повествования о явлениях действительности

придавали неотразимую убедительность его произведениям. «Все, что он говорит, выходит у него потрясающе убедительно и просто, до ужаса просто и ясно, неопровержимо и верно» — так высказывался о Чехове М. Горький [6, с. 241].

2.2. Социальная тема в произведениях М. Горького

А.М. Горький начинал литературную деятельность в период резкого обострения классовых противоречий, когда особенно остро встал вопрос о движущих силах народной революции. Развивая тему детства, он, как и крупные писатели-демократы (В.Г. Короленко, А.П. Чехов, А.И. Куприн и др.), не мог обойти вопроса о жизни детей бедняков и обитателей «дна».

Однако А.М. Горький не ограничивался классическим наследием, он вносил в литературу о детстве нечто новое. Так, в произведениях демократической литературы, рисующих ребенка, немало внимания уделялось изображению среды и социальной обстановки, в которой протекала жизнь детворы. Демократические писатели неоднократно разоблачали тех, кто лишает ребенка детства. При том, в разработке этой темы они «не всегда были последовательными и свободными от антропологического подхода к ней» [25, с. 31].

В произведениях М. Горького о детях мы видим более последовательно отрицательное изображение человека, жестоко и равнодушно относящегося к ребенку. Так, в рассказе «Зрители» (1917) владельца переплетной, где служил Коська, изувеченный на улице лошадью, интересуется только, цела ли трешница, данная им мальчику на покупку кожи. Видя, что ребенок беспомощно валяется в пыли, он в присутствии многочисленной толпы бросает мальчику на ходу: «На что ты мне без ноги?» и безжалостно покидает его.

Рассказы писателя для детей публиковались еще до революции. Некоторые из них печатались в периодически издававшихся сборниках «Знание», которые пользовались большой популярностью в демократической среде.

В 1913—1916 годах Горький работал над повестями «Детство» и «В людях», продолжившими традицию автобиографической прозы о детстве. Однако Алеша Пешков, герой повестей, вряд ли мог бы сказать о своем детстве вслед за Николенькой Иртеньевым: «О, счастливая, невозвратимая пора!» И дело не только во внешних обстоятельствах («золотое детство» в дворянской усадьбе и «свинцовые мерзости» провинциального городка). Очень эмоционально на эту тему рассуждал К.И. Чуковский: «Нет, не похоже «Детство» Горького на «Детство» Толстого! Когда-нибудь для школьных сочинений будет предлагаться в школах тема: сравнительный разбор обоих «Детств» и гимназисты победоносно докажут, что усадебное детство было лучше чумазого. Ведь мимо малолетнего Толстого не возили людей в цепях казнить на ближайшей площади, ведь Толстого не засекали до потери сознания, ведь дом, где жил восьмилетний Толстой, не соседствовал с домом терпимости. Потому Толстой и воскликнул: — «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней!» А мученик чумазой педагогики уже не повторит этих слов. «Точно кожу содрали мне с сердца» — таково было его детское чувство. Ошпаривали сердце кипятком...» [49, с. 13].

Принципиально отличаются сами творческие задачи художников. Лев Толстой акцентирует внимание на внутренней жизни ребенка, на формировании его личности под благотворным влиянием окружающих людей и обстоятельств. Горький все внимание направляет на социально-нравственное самоопределение героя, происходящее во многом благодаря противостоянию окружающим.

Мещанство было для Горького средоточием низменных побуждений, невежества, стяжательства, застоя. Хотя и в этой среде он выделяет людей, близких его душе, но среда в целом вызывала у него глубокую неприязнь.

Многочисленные бытовые картины в «Детстве» убедительно работают на мысль писателя: если в человеке не убита живая душа, он найдет в себе силы вырваться из такой среды, изменить свою жизнь на более осмысленную.

Очень важен и многомерен в повести образ бабушки, Акулины Ивановны. Писатель типизировал конкретный образ своей бабушки, которая отличалась умом и высокой нравственностью. Душевным богатством бабушка щедро делится с Алешей: «До нее как будто спал я, спрятанный в темноте, появилась она, разбудила, вывела на свет, связала все вокруг меня в непрерывную нить...» [49, с. 17]. Акулина Ивановна крепко хранит в себе народные нравственные заповеди и старается приобщить к ним внука, чтобы в дальнейшей жизни он «злого бы приказу не слушался, за чужую совесть не прятался». От бабушки Алеша слышит и великолепную русскую речь, впитывает все то, что может дать растущему человеку народное творчество.

Но мещанская среда нередко губила людей. Дед, человек незаурядный, становится самодуром, способным на самые жестокие поступки. Добрая, чуткая мать Алеши оказывается беззащитной жертвой, не способной защитить ни себя, ни своего ребенка. Веселый, талантливый Цыганок погублен злобными людьми.

Нравственное взросление Алеши, «выламывание» его из мещанской среды начинается с протеста против ее мерзостей и жестокостей. У него возникает и романтическое стремление защитить слабых, забитых, угнетенных. Взросление человека в предчувствии битвы со «свинцовыми мерзостями» жизни тонко показано в продолжении «Детства» — повести «В людях». Такой путь становления личности неизбежно приводит человека, по мысли Горького, к участию в революционном движении.

Образ ребенка в творчестве А.М. Горького обычно противоречивый, но в целом положительный. Это можно объяснить разнообразными факторами, лежащими в основе детского мировоззрения и психологии. Так, Ленька из «Страстей-Мордастей» (1913) – умный и наблюдательный мальчик. При помощи характеристики обитателей своей «зверильницы» он очень метко опре-

деляет облик знакомых ему лиц. По-взрослому и одновременно наивно, он рассуждает он обо всем. Но мальчика уже коснулось тлетворное влияние «дна». Он без всякой злобы, по привычке, бросает в сторону своей матери словцо, оскорбительное для женщины. Совершенно спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, он рассказывает о многочисленных любовниках своей матери. И все же образ Леньку можно назвать положительным персонажем. В, как и в каждом другом ребенке, мальчике таится много нравственно чистого.

В рассказе «Дед Архип и Ленька» (1894) показан конфликт чистых порывов Леньки с моралью мелких собственников. Сначала это конфликт между дедом Архипом и кругом сытых, эгоистичных станичников. Старик говорит Леньке: «Вот я тебя и спрашиваю, что ты станешь делать с миром? Ты – хилый ребеночек, а мир-то – зверь. И проглотит он тебя сразу» [19, с. 77].

Пара нищих — мальчик и его дедушка — в своих странствиях по югу России встречаются то с людским сочувствием, то с равнодушием и злобой. «Ленька был маленький, хрупкий, в лохмотьях он казался корявым сучком, отломленным от деда — старого иссохшего дерева, принесенного и выброшенного сюда, на песок, на берег реки» [19, с. 76].

Этот маленький герой далеко не безупречен. Он помогает деду спрятать в бурьян украденный стариком головной платок девочки, правда, тогда еще не зная, чья это вещь. Но ведущим в характере Леньки является здоровое начало.

Горький наделяет своего героя искренностью, добротой, способностью к сочувствию, честностью. Ленька, по натуре поэт и рыцарь, хочет заступиться за маленькую девочку, потерявшую платок (за такую потерю ее могут побить родители). Но дело в том, что платок подобрал его дед, который к тому же украл казацкий кинжал в серебре. Драматизм рассказа проявляется не столько во внешнем плане (казаки обыскивают нищих и выдворяют их из станицы), сколько в переживаниях Леньки. Его чистая детская душа не принимает поступков деда, хотя и совершённых ради него же. И вот уже смотрит

он на дела новыми глазами, и лицо деда, еще недавно родное, становится для мальчика «страшно, жалко и, возбуждая в Леньке то, новое для него, чувство, заставляет его отодвигаться от деда подальше». Чувство собственного достоинства не покинуло его, несмотря на нищую жизнь и все связанные с ней унижения; оно настолько сильно, что толкает Леньку на жестокость: он говорит умирающему деду злые, обидные слова. И хотя, опомнившись, просит у него прощения, но, кажется, что в финале смерть Леньки наступает и от раскаяния тоже. «Сначала решили похоронить его на погосте, потому что он еще ребенок, но, подумав, положили рядом с дедом, под той же осокорью. Насыпали холм земли и на нем поставили грубый каменный крест» » [19, с. 82].

Подробные описания душевного состояния ребенка, взволнованный тон рассказа, его жизненность привлекли внимание читателей. Резонанс был именно таким, какого и добивались революционно настроенные писатели той поры: читатели проникались сочувствием к обездоленным, возмущались обстоятельствами и законами жизни, которые допускают возможность такого существования ребенка.

Сюжет «Деда Архипа и Леньки» динамичен, после завязки он развивается довольно быстро. Сюжет рассказа под названием «Зрители» (1917), наоборот, построен на медленном развитии действия. Однако это отнюдь не лишает произведение общей сюжетной напряженности. Завязка тут внешне случайная, но все же она не снижает яркой типизации изображаемого, и весь сюжет рассказа отчетливо вытекает из основной его идеи: не ценят жизнь человека в эксплуататорском обществе.

Острота сюжета «Зрителей» усиливается тем, что в роли людей, постыдно равнодушных к участи ребенка, оказываются люди из городских низов. Искалеченный на улице мальчик мечется от боли и страшной жажды, а мимо проходят равнодушные прохожие, которые заявляют, что они не с этой улицы, и даже цинично издеваются над ребенком: «Проехал водовоз, расплескивая воду из бочки, – пишет Горький, – я попросил его дать мальчику

воды, но он ни слова не ответил, сидя на бочке деревянным идиолом» [16, с. 103].

В рассказе «Зрители»(1917) – два человека: изуродованный Коська и его защитник – крючник, жилец подвала, накануне вывихнувший при падении в трюм руку и разбивший ногу, в течение длительного времени являются мишенью насмешек «зрителей». Трагическую развязку истории Коськи легко предугадать уже в тот момент, когда он валялся на улице. А.М.Горький пишет: «Мне казалось, что я вижу, как распухает его нога, – вся ступня у него какая-то рыжая, точно кусок ржавого железа» [16, с. 104].

«Скучную и нелегкую жизнь изживал он», — говорит писатель о Мишке, герое рассказа «Встряска» (1898). В этом рассказе в основу всей композиционной и сюжетной структуры положен прием антитезы. Мишка, побывав в цирке, очутился как бы в двух контрастных мирах: мире искусства и мире повседневной нужды.

Подмастерье в иконописной мастерской, он делает множество самых разных дел и за малейшую промашку его бьют. Но вопреки тяжести быта мальчик тянется к красоте и совершенству. Увидев клоуна в цирке, он пытается передать свое восхищение всем окружающим — мастерам, кухарке. Оканчивается это плачевно: увлекшись подражанию клоуну, Мишка случайно смазывает краску на сырой еще иконе; его жестоко избивают. Когда он, со стоном схватившись за голову, упал к ногам мастера и услышал смех окружающих, то этот смех «резал Мишке душу» сильнее физической «встряски». Душевный взлет мальчика разбивается о людское непонимание, озлобленность и равнодушие, вызванные монотонностью, серой будничностью жизни. Избитый, он во сне видит себя в костюме клоуна: «Полный восхищения пред своей ловкостью, веселый и гордый, он прыгнул высоко в воздух и, сопровождаемый гулом одобрения, плавно полетел куда-то, полетел со сладким замиранием сердца...» Но жизнь очень жестока, и завтра ему предстоит «снова проснуться на земле от пинка» [17, с. 54].

Характерный для творчества Горького принцип художественной антитезы лежит и в основе композиции одного из самых волнующих психологических рассказов А.М. Горького «Девочка» (1905). Здесь картины буйного цветения крымской природы перемежаются с картинами умирания девочки, больной костным туберкулезом. Сам автор подчеркивает значимость приема контраста в своем этюде, когда пишет: «Я смотрел на ребенка и думал: «Хорошо, если она не сознаёт глубокой оскорбительности контраста между нею и кедром, под которым она сидит, и муравьем, на которого она, не замечая его, бросила лепесток цветка!» [16, с. 87].

Совсем другим предстает ребенок в изображении Горького в «Сказках об Италии» (1906—1913). Десятилетний Пепе постоянно весел и беззаботен, «его все занимает: цветы, густыми ручьями текущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых камней, птицы в чеканной листве олив, в малахитовом кружеве виноградника, рыбы в темных садах на дне моря...» Мальчик предстает перед читателем как неотъемлемая часть прекрасной природы. Из столкновений с жизненными заботами он пока выходит победителем. Теплым юмором полны описания его «подвигов»: доверчивая синьора поручила ему отнести корзину с яблоками, но он по пути подрался со сверстниками («ведь они начали смеяться над моей матерью») и яблоки использовал в качестве метательных снарядов. Брюки богатого американца очень пригодились Пепе: от его собственных штанов «на ногах оставалось совсем немного». И он очень удивился, что американец недоволен таким оборотом дела: будь у Пепе столько брюк, он бы обязательно поделился. Веселое лукавство и беззаботное озорство мальчика вызывают симпатию к нему у читателей, а взрослые, окружающие его в рассказе, гадают, кем он станет, когда вырастет: анархистом, поэтом... Но «всеми почитаемый Пасквино говорит свое: «Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше!»

В этих словах маленького героя «Сказок» выражена надежда М. Горького на то, что тяжелое социальное положение детей скоро положительно изменится.

Таким образом, как ни разнообразны в тематическом и жанровом отношении произведения А.М. Горького о детях, но в них мы отчетливо ощущаем теснейшую связь всех компонентов с основной проблематикой произведения. В подавляющем большинстве случаев здесь в центре изображения стоит именно жизнь ребенка, остальное составляет социально-бытовой фон. Каждая художественная деталь служит задаче наиболее яркого раскрытия темы, обеспечивая тем самым единство формы и содержания. Произведения А.М. Горького о детях в большинстве своем построены на острых конфликтах. Это объясняется не только социальными условиями жизни ребенка, но и активностью детского характера в творчестве А.М. Горького.

Свет, идущий от детства, уроки, которые дают дети взрослым, детская непосредственность, душевная щедрость, бессребреничество (хотя часто им самим приходится зарабатывать на жизнь) — основное содержание рассказов М. Горького о детях.

«Собранные воедино страницы горьковской книги о детстве – это страницы, содержащие в себе грозное обвинение всему старому миру» - пишет Л. Торопчина в своей статье, посвященной творчеству М. Горького [41, с. 11].

2.3. Особенности раскрытия темы детства в творчестве Л.Н. Андреева

В своих ранних рассказах Андреев продолжает традиции «шестидесятников»: Н.В. Успенского, А.И. Левитова, Н.Г. Помяловского, Ф.М. Решетникова с типичной для их прозы «правдой без всяких прикрас» (Н.Г. Чернышевский), стихией бытописания, скрупулезной, не всегда художественно мотивированной детализацией. Но в лучших из них – «Баргамот и Гараська» (1898), «Петька на даче» (1899) и «Ангелочек» (1899) – отчетливо проступают и социальные приметы героев, и противоречия времени, и сочувственно-сострадательное отношение автора к «униженным и оскорбленным», и ав-

торская ирония. Многих писателей реалистического направления Чехова, Гаршина, Толстого, Достоевского – он высоко ценил как своих учителей, но он остро чувствовал и свою оторванность от литературных традиций XIX века.

«Писанию Леонид Андреев отдавался с такой же чрезмерной стремительностью, как и всему остальному, - до полного истощения сил» [50, с. 497].

Во многих ранних рассказах Андреева мы встречаемся с героем, находящимся в состоянии духовного кризиса, своеобразного ошеломления души: «Человек у Андреева обычно взят в момент крайнего обострения какого-либо чувства. Мироощущение Андреева было окрашено пессимизмом, доходившим до мистического страха» [21, с. 284].

Люди играют в рассказах Андреева лишь роль выразителя каких-то посторонних тенденций, велений рока. А.А. Волков писал, что «Андреев, показывая «плохое» начало в человеке, не верит, в отличие от Горького, в его преодоление. Наоборот, по Андрееву, это плохое начало торжествует в человеке. Отсюда мотивы пессимизма, которые проскальзывают уже в ранних его рассказах» [12, с. 416].

Противоречивость – характерная черта андреевского творчества. «В самой основе творчества Леонида Андреева, - отмечал В. Воровский, - заложено какое-то противоречие, и это противоречие мешает автору успешно осуществлять задуманные им планы, воплощать в художественные произведения преследующие его идеи и образы; это противоречие нарушает цельность, а с нею и силу его произведений, оставляя их какими-то недоделанными» [13, с. 224].

Не «выбиваются» из концепции мира и человека Андреева и его рассказы о детях. «Отсутствие положительного героя в произведениях писателя, - считает Е.А. Михеичева, - объясняется двуприродностью человеческого я, сочетающего в себе доброе и злое. Только маленькие дети, еще не испытавшие воздействия демонической реальности, способны следовать в своем

мышлении и поступках нравственным законам, и в этом они противопоставлены взрослым» [31, с. 39]. Таковы герои известных рассказов Л.Н. Андреева «Ангелочек» и «Петька на даче».

«Ангелочек»

Рассказ посвящен Александре Михайловне Велигорской, урожденной Шевченко, родственнице великого украинского поэта, ставшей первой женой Леонида Андреева.

Рассказ «Ангелочек», проникнутый «мучительно обостренным чувством грусти» [26, с. 255] относится к разряду пасхально-рождественской газетной прозы. Это «рождественский» или «святочный» рассказ, написанный вполне канонически (тема: ребенок из бедной семьи попадает в богатый дом; мораль: надо помнить о несчастных детях) и напоминающий рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке», тем не менее как бы опрокидывает общее представление о «рождественской» литературе. «Ангелочек» написан как своего рода пародия на «рождественский» рассказ – прием, естественный для прозы начала XX века с ее критическим отношением к традиционным жанрам.

Главный герой рассказа – «озлобленный и затравленный людьми сорванец Сашка» [30, с. 233]. Его, мальчика из бедной семьи зовут под Рождество на елку богатые Свечниковы. Зачем они это делают? На Рождество в домах украшали елки и обязательно ставили на верхушки звезды, символизировавшие вифлеемскую звезду.

В этот день все должны быть добрыми, внимательными к людям, никого не обижать и дарить всем подарки. Люди из богатых семей в дореволюционной России считали своим долгом позвать на елку детей своих бедных родственников или соседей, тем самым показав себя «добрыми христианами»: ведь во Христе все люди - братья.

Так и поступает Свечников, приглашая Сашку в свой дом. Больше того: он хочет помочь Сашке, отец которого работает у него, устроив мальчика в ремесленное училище. Но для этого Сашка должен показать свою предан-

ность Свечникову: вести себя скромно и всячески благодарить своего благодетеля. Но Сашка не желает вести себя «прилично»! Он грубит Свечниковым, обижает их избалованного сынка и вообще ведет себя как «нехороший мальчик». Не сразу замечаешь, как автор начинает иронизировать над ситуацией, которую создает в рассказе. По форме это типичный «рождественский» рассказ. Но по сути этот рассказ как бы пародирует «рождественскую» историю о бедном, несчастном ребенке, которого пригласили, обогрели, накормили, вытерли слезы и сделали на один день счастливым. Сам автор не верит в реальность этого сюжета. Он знает, что дети из бедных семей не склонны к сентиментальности. Они грубы и хитры, потому что жизнь вынуждает их быть такими. Но Сашка видит на елке воскового ангелочка, и он так нравится ему, что Сашка готов схитрить и показать свою преданность: только бы хозяева подарили ему этого ангелочка. И тут происходит внезапное чудо: «И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворенным рукой неведомого художника личиком ангелочка» [4, с. 135].

В одной фразе Андреев говорит нам о том, что «образ и подобие Божье есть в каждом человеке, каким бы грубым и непривлекательным он ни казался нам в начале» [8, с. 83]. Именно в ребенке из бедной семьи этот образ запечатлен «глубже и прочнее, чем в сытых и самодовольных богатых людях» [8, с. 84]. И читатель невольно вспоминает, что Ангел Господен явился не к женщине из богатой семьи, а к бедной сироте Марии, жене плотника. И родился Христос не в роскошной кровати, а в холодной пещере, на грубой подстилке, в маленьком городке Вифлееме. И положила его мать не в мягкую колыбель, а в жесткие ясли из камня. Пародируя «рождественский сюжет», Андреев возвращает нас к истинному смыслу великого христианского праздника.

В рассказе «Ангелочек» для Ивана Саввича, бывшего статистика, отца Сашки ангелочек - это мечта о чистой любви и счастье со Свечниковской барышней, мечта, служащая для героя разрывом «круга железного предначер-

тания», куда он попал под воздействием «рока», но и не без собственных усилий. Для Сашки в ангелочке сосредоточилась не столько иллюзия счастья, сколько «бунт», несогласие «с нормой» жизни. В рассказе «Петька на даче» Петька, как и взрослые, воспринимает в качестве нормы жизни прозябание в парикмахерской. Дача для него – та же иллюзия, только временный разрыв замкнутого круга. Но, как и для Сашки, ангелочек, она – не только мгновение, озарение, случай; она – реальность, естественность, желанное, противоречащее норме и закону. Образ ребенка как носителя «естественного» начала весом в рассказах Андреева. И в Сашке и в Петьке, и в других детях есть энергия чувства, ненависть, протест, жизнь.

«Петька на даче»

Сюжеты Андреев почти не выдумывал – он просто умел их выделить из происходящего вокруг. Так получилось и с рассказом «Петька на даче». Источником для него послужили воспоминания о детстве однофамильца писателя - московского парикмахера Ивана Андреева. Сын крестьянина, перевезенный в Москву и переживший детство «без детства», он впоследствии стал одним из самых модных парикмахеров Москвы. «Петька на даче» оказался одним из самых популярных рассказов молодого Андреева, принесшим ему громадный успех.

Рассказ «Петька на даче» во многом напоминает чеховского «Ваньку».

Главный герой этого произведения – мальчик десяти лет, который работает в парикмахерской среднего уровня. В своем произведении Андреев говорит еще об одном ребенке – тринадцатилетнем Николке, которого подмастерья «в отсутствие хозяина... посылали... стричь и смеялись, что ему приходилось подниматься на цыпочки, чтобы видеть волосатый затылок дюжего дворника» [4, с. 112].

Образы двух мальчиков противопоставлены: Николка стремился подражать взрослым: «курил папиросы, сплевывал сквозь зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал» [4, с. 112]. Петьке было десять лет, он не курил, не пил водки и не ругался,

хотя знал очень много скверных слов, и во всех этих отношениях завидовал товарищу» [4, с. 112]. Основной жизнью главного героя является отрывистая фраза: «Мальчик, воды». Но Петька, одурманенный тягостной атмосферой однообразия, часто не слышит приказа. Писатель подчеркивает, что мрачная серая действительность, окружающая маленького героя, губительна для ребенка: «Он часто разливал воду или не слышал резкого окрика... все худел, а на стриженной голове у него пошли нехорошие струпья. Даже нетребовательные посетители с брезгливостью смотрели на этого худенького веснушчатого мальчика, у которого глаза всегда сонные, а рот полуоткрытый и грязные-прегрязные руки и шея» [4, с. 115]. Л.Н. Андреев специально изображает своего героя непривлекательным, даже, скорее, отталкивающим, таким образом подчеркивая, что Петька словно сливается с окружающим его неприглядным серым миром.

Рассказ звучит как «протест против этой тягостной жизни» [12, с. 415].

Важно, что и само такое существование вызывает у ребенка своеобразный безмолвный протест, который выражается в желании оказаться в «другом месте», «о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно» [4, с. 115]. Характеризуя своего героя, писатель не раз подчеркивает, что мальчик был на старика: «Около глаз и под носом у него прорезались тоненькие морщинки, точно проведенные острой иглой, и делавшие его похожим на составившегося карлика» [4, с. 115]. В поезде, увозящем мальчишку за город, где он получает новые впечатления, «морщинки» пропали, а когда Петька жил на даче, он «изумительно помолодел» [4, с. 119]. Автор акцентирует внимание на том, что удаление от мрачного города, от парикмахерской способствуют преобразению ребенка, возвращению его в нормальное состояние детства.

Реакция мальчика на известие о необходимости возвращаться к своим обязанностям в парикмахерской экспрессивна и неожиданна для взрослых: «он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле... худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чем попало, чувствуя боль от острых камешков и песчинок, но, как будто, стара-

ясь усилить ее» [4, с. 121]. Петька предстает ранимым существом, загнанным во взрослую жизнь, лишенным общения с природой и сверстниками. Л. Андреев стремился показать жестокую реальность и ее влияние на судьбу маленького человека, который по-детски проявляет себя лишь за городом, на свободе, а в повседневной, далеко непростой жизни предстает маленьким стариком. Можно считать, что этот рассказ является своеобразной вариацией темы «маленького» во всех смыслах человека.

Совершенно особое место в ряду рассказов Л. Андреева занимает новелла «Валя». Автор знакомит нас с героем-ребенком, которому в раннем возрасте пришлось принимать важнейшее решение в его жизни вместо взрослых, которые переложили всю ответственность на его детские плечи – выбрать маму, с которой ему жить.

Хотя для Андреева, как всегда, важно обнаружить в человеке запасы человечности, он не скрывает последствия разыгравшейся драмы. Совершенно очевидно, что с момента, когда Валя переступит порог жилища матери родной, для него начинается жизнь, полная лишений и трагизма, в которой царят силы, приоткрывающиеся ему во время кошмаров.

Таким образом, в своем творчестве Л.Н. Андреев показал тоскливую, лишенную света и радости, жизнь не только взрослых, но и детей.

Рассказы Л. Андреева, написанные в конце XIX - начале XX века, остаются актуальными и в наши дни. Идеи, высказанные писателем, по-прежнему волнуют современного человека: в мире продолжают бессмысленные войны; люди все также борются со своей судьбой, одни точно знают, для чего живут, другие просто проживают ее. Именно поэтому творчество Леонида Андреева остаётся актуальным более ста лет.

Рассказы о детях заставляют задуматься об украденном детстве и безвозвратно потерянном счастье, которые нужны каждому человеку.

Андреев открыл в литературе свой, новый мир, мир овеянных революционным дыханием мятежных стихий, тревожных мыслей, философских настроений. Остро реагирующий на переходность, кризисность всех сфер жизни переломной эпохи, писатель выступил как художник-искатель, экспериментатор, заражавший самим процессом напряжённых, мучительных поисков всех, кто с ним соприкоснулся. Многие современники Андреева утверждали, что, например, что писатель сделал жизненно необходимой для каждого из них потребность сейчас, незамедлительно и точно, ответить себе и всем вокруг на вечные, «проклятые» вопросы, открытые человечеством в древние времена и актуальные по сей день: о цели человеческого существования, о трагедиях жизни и смерти, о путях разума, веры и чувства, о борьбе с «мировым злом» за победу человека, за победу добра. Самую эту неистребимую потребность Андреева задавать вопросы и требовать на них ответа А. Блок считал характерно русской чертой, резко обозначившейся в революционную эпоху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема детей и детства затрагивалась многими русскими писателями, и каждый из них изображал ее по-своему. Во второй половине XIX века усилился интерес общественности к социальному положению ребенка. Это обуславливалось эпохой. Дети, не знающие детства, стали одной из ведущих тем русской литературы. В начале XIX века преобладала литература о детях больше мемуарного типа. Например, «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова или «Детство» Л.Н. Толстого. Главным героем таких произведений был ребенок из богатой семьи, описывались его чувства и переживания, богатый внутренний мир. Такая литература, несмотря на свои несомненные достоинства, была несколько односторонней: дети, жизнь которых была вполне благополучна, идеализировали окружающую действительность. Но ведь были и другие дети, на чью долю выпало много лишений и незаслуженных обид. Интерес к таким детям охарактеризовал новый художественный взгляд на тему детства в русской литературе рубежа XIX и XX веков.

А.П. Чехов, М. Горький, Л.Н. Андреев – основные авторы этого периода, отдавшие дань в своем этой непростой теме. У них разные судьбы, разное отношение к ребенку и поре детства, но есть нечто общее в принципах изображения данной темы и образов детей. Прежде всего, это обращение к теме не счастливого, а именно тяжелого детства. Показано, как дети либо гибнут в тяжелых для них жизненных ситуациях, либо пытаются бороться, искать выход. Дети всегда чище, добрее, нравственнее взрослых, не желающих подчас видеть чье-то горе, не желающих по тем или иным причинам помогать человеку, ребенку, попавшему в беду.

Психологизм – еще одна черта, присущая рассказам о детях выше названным писателям. Очень точно и наглядно авторы передают душевное состояние ребенка, подростка, юноши.

Трагизм отличает большинство произведений, посвященных теме детства. Трудное время – трудное детство. Особенно у детей-сирот.

Для А.П. Чехова детство – это целая область исследований. Своими рассказами о «недетской» жизни детей писатель взволнованно говорил о том, что дети вправе быть собой, что детство должно быть действительно детством. Размышляя о детях, писатель думал о «взрослых», ставших для него «больными вопросами». И в то же время — это круг его раздумий о человеческой и природной красоте, о вольных и счастливых людях, о самой возможности счастья.

Мир ребенка, необычный, неожиданный, яркий — целая область эстетических и этических интересов А. П. Чехова. Для него это особый мир, дети у него — особые люди. Чехова не привлекала литература собственно детская, но его крайне волновала сама стихия детства, притягивал внутренний мир детей, еще не испорченный влиянием общественной среды.

Рассказы о детях М. Горького социально обострены. Писатель пишет о неприглядных сторонах русской действительности, обращая внимание читателя на ужасающее положение ребенка в современном ему обществе.

Ранние рассказы Л.Н. Андреева были посвящены теме детства. В этих произведениях отразились те основные черты, которые будут присутствовать в его дальнейшем творчестве: противоречивость мнений, противостояние добра и зла, мотивы мистического страха и пессимизма.

Таким образом, можно сказать, что в творчестве писателей рубежа XIX –XX веков тема детства была одной из основных тем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей. Выпуск 1 [Электронный ресурс] : монография / Ю.И. Айхенвальд. – М.: Научное слово, 1907. – 244 с. – Режим доступа [http://www.twirpx.com>File>1272090](http://www.twirpx.com/File/1272090)
2. Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей. Выпуск 3 [Электронный ресурс] : монография / Ю.И. Айхенвальд. – М.: Научное слово, 1910. – 138 с. - Режим доступа [http://www.twirpx.com>File>1272090](http://www.twirpx.com/File/1272090)
3. Аксаков, С.Т. Детские годы Багрова-внука [Текст] : монография / С.Т. Аксаков. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. – 320 с. – 100 000 экз.
4. Андреев, Л.Н. Рассказы и повести. [Текст] : монография / Л.Н. Андреев. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 416 с. – 10000 экз. – ISBN 5-222-01384-7
5. Андреев, Л.Н. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т.1. [Текст] : монография / Л.Н. Андреев. – М.: Художественная литература, 1990. – 638 с.
6. Арзамасцева, И.Н. Детская литература [Текст] : учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 576 с. – 2500 экз. – ISBN 978-5-7695-3802-5
7. Ачатова, А.А. Сюжет и авторская композиция в рассказах Л. Андреева [Текст] / А.А. Ачатова // Проблемы метода и жанра. вып. 7. – Томск: Издательство Томского Университета, 1982. – 183 с. – 500 экз.
8. Басинский, П.В. Русская литература конца XIX - начала XX века и первой эмиграции: пособие для учителя [Текст] / П.В. Басинский. – М.: Академия, 2000. - 528 с. – 2000 экз. – ISBN 5-7695-0258-4
9. Бегак, Б.А. Дети смеются. Очерки о юморе в детской литературе [Текст] : монография / Б.А. Бегак. – М.: Детская литература, 1979. – 223 с. – 50 000 экз.

10. Бельчиков, Ю.А. Авторское повествование в рассказе А.П. Чехова «Спать хочется» [Текст] / Ю.А. Бельчиков // Русская словесность. – 2001. - №3. – с. 64-66
11. Вершины. Книга о выдающихся произведениях русской литературы [Текст] / Сост. В.И. Кулешов. – М.: Детская литература, 1983. – 430 с. – 200 000 экз.
12. Волков, А.А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков [Текст] : монография / А.А. Волков. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 576 с. – 20 000 экз.
13. Воровский, В.В. Статьи о русской литературе [Текст] : монография / В.В. Воровский. – М.: Художественная литература, 1986. - 448 с. – 20 000 экз.
14. Гальцева, Л.А. О творческих принципах Л. Андреева и о проблематике его прозы [Текст] / Л.А. Гальцева // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Сб. 2. - Калуга, 1970. – 500 экз.
15. Гончаров, Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского [Текст] : монография / Н.К. Гончаров. – М.: «Педагогика», 1974. – 272 с. – 25 000 экз.
16. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Литературное наследство, т. 72. [Текст]. – М.: Издательство «Наука», 1965. – 628 с. – 10 000 экз.
17. Горький, М. О детской литературе, детском и юношеском чтении [Текст] : монография / М. Горький. – М.: Детская литература, 1989. – 224 с. – 30000 экз. – ISBN 5-08-000577-7
18. Горький, М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Рассказы, очерки (1897 – 1915) [Текст] : монография / Горький М. – М.: Советская Россия, 1987. – 512 с. – 500 000 экз.
19. Горький, М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. [Текст] : монография / Горький М. – М.: «Советская Россия», 1987. – 496 с. – 496 с. – 500 000 экз.
20. Горький, М. Избранные произведения [Текст] : монография / М. Горький. – М.: Издательство «Детская литература», 1968. – 680 с. – 100 000 экз.

21. Гречнев, В.Я. Русский рассказ конца XIX - XX века (проблематика и поэтика жанра) [Текст] : монография / В.Я. Гречнев. – Л.: «Наука», 1979. – 208 с. – 14 900 экз.
22. Грицанова, М.В. Проблемы повествования в произведениях С.Т. Аксакова для детей («Детские годы Багрова-внука») [Текст] / М.В. Грицанова // Проблемы метода и жанра, вып. 14. – Томск: Издательство Томского Университета, 1988. – 269 с. – 500 экз.
23. Дановский, А.В. Детская литература. Хрестоматия [Текст] : учебное пособие для пед. училищ по спец. 2001 «Преподавание в нач. классах общеобразоват. школы» / А.В. Дановский. – М.: «Просвещение», 1978. - 416 с.
24. Зубарева, Е.Е. Детская литература [Текст] / Е.Е. Зубарева, В.К. Сигов, В.А. Скрипкина и др. – М.: Высшая школа, 2004. – 551 с. – 4000 экз. – ISBN 5-06-004536-6
25. Катаев, В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации [Текст] : монография / В.Б. Катаев. – М.: Издательство Московского Университета, 1979. – 326 с. – 20 000 экз.
26. Критический реализм XX века и модернизм [Текст] / Под ред. Н.Н. Жегалова. – М.: Издательство «Наука», 1967. – 287 с. – 6200 экз.
27. Кулешов, В.И. Этюды о русских писателях [Текст] : монография / В.И. Кулешов. – М.: Издательство Московского Университета, 1982. – 263 с. – 40000 экз.
28. Кулешов, В.И. Жизнь и творчество А.П. Чехова [Текст] : монография / В.И. Кулешов. - М.: Детская литература, 1982. - 175 с. – 100 000 экз.
29. Мережковский, Д.С. Толстой и Достоевский: вечные спутники [Текст] / Д.С. Мережковский. – М.:, 2001.
30. Михайлов, О.Н. Страницы русского реализма [Текст] : монография / О.Н. Михайлов. – М.: Современник, 1982. – 288 с. – 25 000 экз.
31. Михеичева, Е.А. Художественный мир Леонида Андреева [Текст] / Е.А. Михеичева // Литература в школе. – 1998. - №5. – с. 36-46

32. Набоков, В.В. Лекции по русской литературе [Текст] : монография / В.В. Набоков. – М.: Независимая Газета, 1998. – 440 с. – ISBN 5-86712-025-2
33. О творчестве Горького: сборник статей [Текст] / Под ред. И.К. Кузьмичева. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1956. – 351 с.
34. Павлова, Н.И. Образ детства – образ времени [Текст] : монография / Н.И. Павлова. – М.: Детская литература, 1990. – 143 с. – 30 000 экз. – ISBN 5-08-001834-8
35. Палиевский, П.В. Литература и теория [Текст] : монография / П.В. Палиевский. – М.: Советская Россия, 1979. – 288 с. – 400 экз.
36. Полозова, Т.Д. Русская литература для детей [Текст] : учебное пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Т.Д. Полозова, Г.П. Туюкина, Т.А. Полозова, М.П. Бархота. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 512 с.- 500 экз. – ISBN 5-7695-0222-3
37. Сетин, Ф.И. История русской детской литературы, конец X - 1-я половина XIX в. [Текст] : учебник для студентов ин-тов культуры, пед. ин-тов и ун-тов по спец. № 2113 «Библиотекведение и библиогр.»: монография / Ф.И. Сетин. – М.: Просвещение, 1990. – 303 с.- 64 000 экз. – ISBN 5-09-0001927-4
38. Сигаева, Т. «Три детства» в русской литературе [Текст] / Т. Сигаева // Литература. - 1999. - №3. – с.5-7
39. Толстой, Л.Н. Педагогические сочинения [Текст] : монография / Л.Н. Толстой. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1953. – 444 с. – 50 000 экз.
40. Толстой, Л.Н. Рассказы для детей [Текст] : монография / Л.Н. Толстой. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 319 с.- 185 000 экз.
41. Торопчина, Л. «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...» [Текст]/ Л. Торопчина // Литература. – 2008. - № 14. – с. 11 – 14
42. Урунтаева, Г.А. Психология детства в художественной литературе XIX-XX веков [Электронный документ] : монография / Г.А. Урунтаева. – М.: Академия, 2001.-347 с. - Режим доступа [http://www.twirpx.com>File>286510](http://www.twirpx.com/File/286510)

43. Ушинский, К.Д. Рассказы и сказки [Текст] : монография / К.Д. Ушинский. – М.: «Стрекоза-Пресс», 2001. – 160 с. – 10000 экз. – ISBN 5-94563-117-5
44. Ушинский, К.Д. Родное слово [Текст] : монография / К.Д. Ушинский // Пед. соч.: В 6 т. – Т.2. – М.: Педагогика, 1965. – 456с.
45. Чехов, А.П. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. Повести и рассказы 1880 – 1888 гг. [Текст]: монография / А.П. Чехов. – М.: Издательство «Художественная литература», 1970. – 623 с. – 200 000 экз.
46. Чехов, А.П. Повести [Текст]: монография / А.П. Чехов. – М.: «Советская Россия», 1975. – 200с. – 200 000 экз.
47. Чехов, А.П. Рассказы [Текст]: монография / А.П. Чехов. – Л.: Издательство «Детская литература», 1965. – 286 с. – 185 000 экз.
48. Чехов, А.П. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1 [Текст] : монография / А.П. Чехов. – М.: Издательство «Правда», 1970. – 447 с. – 735 000 экз.
49. Чуковский, К.И. Две души М. Горького [Текст] : монография / К.И. Чуковский // Собрание сочинений в 15 т. Т.8. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. – 611 с.
50. Чуковский, К.И. Люди и книги [Текст] : монография / К.И. Чуковский. – М.: Государственное Издательство художественной литературы, 1960. – 672 с. – 40 000 экз.
51. Чуковский, К.И. О Чехове. Человек и мастер [Текст] : монография / К.И. Чуковский. – М.: Издательство «Детская литература», 1971. – 208 с. – 75 000 экз.
52. Эпштейн, М.Образы детства [Текст] / М. Эпштейн, Е. Юкина // Новый мир. – 1979. - № 12. – С. 242